

ДРЕВНЕПЕРСИДСКИЙ КАЛЕНДАРЬ В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ ОТКРЫТИЙ

Чл.-корр. АН СССР А. А. Фрейман

I

Лопата археолога, продолжая свое победное шествие по древнейшим очагам культуры Ирана и Средней Азии, за последние 10—15 лет обогатила науку новыми блестящими открытиями, освещдающими историю культуры этих стран, начиная с эпохи каменного века и кончая новым временем. Современное ираноязычное население Ирана и народы Средней Азии, независимо от смены языковых систем, обусловленной миграциями и другими факторами общественного развития, являются прямыми наследниками творцов этой культуры, хранившими и развивавшими ее в течение шести тысячелетий (Степан). Интенсивная исследовательская работа, изучение культуры Ирана эпохи, непосредственно предшествовавшей первым Ахеменидским памятникам, все более и более смыкает эти две эпохи—до-Ахеменидскую и Ахеменидскую (или, точнее: «до-ираноязычную» и «ираноязычную»), заполняя научными данными пропасть, ранее их разделявшую. Археология и филология близки здесь друг с другом, как редко где в другом месте. Стало возможным появление таких работ, как «Археологическая история Ирана»¹, или «История раннего Ирана»², или «Иран в древнем Востоке»³, в которых в одном плане представлена история древнего Ирана, Иранского плоскогорья, изучаемая как одно целое. Анализ художественной композиции Ахеменидских рельефов невозможен ныне уже без внимательного сравнения последних с рельефами предшествующей эпохи этой же или близкой к ней территории. Эти рельефы, несмотря на различие языков сопровождающих их надписей, представляют в развитии искусства, художественного замысла одну непрерывную линию. Совершенно очевидно, что мастера Ахеменидской эпохи и их заказчики знали образцы этого искусства и умели им подражать и развивать их, дифференцируя и усложняя сюжеты. Они достигли в этом отношении больших высот художественной изобразительности, чем их предшественники. Для иллюстрации этого положения достаточно, например, сравнить

¹ Ernst Herzfeld, *Archaeological History of Iran*. London, 1935.

² George Cameron, *History of Early Iran*, Chicago, 1936.

³ Ernst Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, London, 1941.

рельефную сцену, сопровождающую Бехистунскую надпись, с одним из трех рельефов на памятниках к востоку от *Qasr-i-Širīn*. Этот рельеф¹ старше Бехистунского на две тысячи лет; он изображает, как полагают специалисты, торжество Аннубанини, царя Луллуби, над своими врагами. Царь, вооруженный луком и палицей, наступил левой ногой на грудь и живот поверженного врага. Перед царем—богиня Инанна. Она вручает ему правой рукою кольцо, символ власти. В левой руке она держит конец веревки, к которой привязаны два обнаженных, колено-преклоненных человека. Руки их связаны за спину. Нижнюю часть рельефа, приблизительно четвертую часть, занимают с левой стороны шесть обнаженных со связанными позади руками фигур. Правее их—надпись на вавилонском языке. Обнаженные фигуры изображают, как это очевидно, покоренных врагов царя Аннубанини. Все фигуры значительно меньше по размерам, чем изображение царя и богини. Таково же и назначение и смысл рельефа на знаменитой Бехистунской скале, километров полтораста к востоку от только что названной. Бехистунским памятником Дарий I хотел увековечить, подобно Аннубанини, свое торжество над врагами. На рельефе изображен Дарий, попирающий подобно Аннубанини левой ногой своего главного врага Гаумата, который захватил власть над Ираном после смерти Камбиза, но был впоследствии захвачен и казнен Дарием. Ормузд вручает Дарию кольцо—символ власти. Сзади Гаумата—девять связанных мятежников, считая в том числе и Скунху, фигура которого, как теперь принято считать, приделана позже, спустя несколько лет, после похода Дария против скифов. Общее содержание и даже некоторые детали сюжетов обоих рельефов идентичны. Позволительно даже думать, что и число пленников, изображенных в обоих рельефах, не случайно совпадает: тут и там—их восемь (фигура Скунхи приделана позже). Очевидно, таким образом, что эпоха Ахеменидов сохранила в памяти культурное наследие прошлого, отдаленное от нее двумя тысячелетиями, не хуже, если не лучше, чем это сделало спустя одну тысячу лет с Ахеменидской эпохой в своих преданиях Иран, после завоевания его арабами, назвав скульптуры Ахеменидского Персеполя картинами Рустема (Накши-Рустем) и утеряв в своем героическом эпосе и память о самом имени Ахеменидов.

II

Богатые результатами раскопки Чикагского Восточного института в Персеполе открыли среди разных ценнейших памятников архивы Дария и Ксеркса, состоящие из деловых документов на эламском языке. Первые известия об этих находках вызвали повышенный интерес среди ученых². Наличие деловых документов на эламском языке в самом Персеполе, столице Дария, притом таких документов, которые, как следует заключить по некоторым изданным памятникам, относятся к наиболее интимной, семейной стороне жизни этого грозного царя³, может свидетельствовать о том, что этот язык и в самой Персиде был в эпоху Дария и Ксеркса еще живым и что значение эламского этнического слова в эту эпоху было еще достаточно велико. Можно полагать, что эламцы занимали хотя и подчиненное, но отнюдь не низшее положение в системе центральной власти

¹ Neilson C. Debevoise. The Rockreliefs of Ancient Iran, JNES, v. I, January 1942, № 1, стр. 76—105.

² См. AJSL, L (1933/34), стр. 272.

³ G. S. Cameron; Darius' daughter and the Persepolis inscriptions, JNES, v. I, April 1942, № 2, стр. 214—218.

в Персиде. Таким образом, история Элама смыкается непосредственно с судьбою Ахеменидского рода и персидского племени не только в Аншане, где Ахеменидские родичи и предки Дария были владельцами эламоязычной области, но также и в самой Персиде при Дарии и даже еще при Ксерксе. Этот факт еще лучше поясняет нам, почему Ахеменидские надписи сопровождаются переводом на эламский язык, причем эламский текст непосредственно следует за персидским текстом и предшествует вавилонскому. Этот перевод персидского подлинника на эламский язык вызывался реальной потребностью, будничной обстановкой Ахеменидского двора и управления. Он не был простым шаблоном, отражавшим отжившие уже нормы.

III

Деловые документы, как правило, датируются. Поэтому можно было предполагать, что эламские таблички из Персеполя послужат материалом для суждения об Ахеменидском календаре, подобно тому как согдийские документы с горы Муг в Таджикистане—архив согдийского царя Диваштича¹—осветили нам согдийский календарь, а хотанские документы—хотанский (сакский)². Эламский архив Дария в Персеполе оправдал эти ожидания науки. Их значение в этом отношении тем более важно, что обиходный общепринятый в Иране календарь Сасанидской эпохи отражает не Ахеменидские нормы, а является, по всей вероятности, продуктом творчества ортодоксальной зороастриской церкви, получившей в Сасанидскую эпоху стройную иерархическую организацию, государственные привилегии и поддержку династии, заключившей с ней союз в обоюдных интересах. Зороастриский иранский календарь имеет по указанной причине отчетливо выраженный религиозный характер. Все двенадцать названий месяцев и тридцать названий дней месяца посвящены в нем зороастриским божествам. Ахеменидский же календарь, будучи, конечно, иранским в отношении языка календарной терминологии, сохранив в некоторых названиях следы глубокой индо-иранской (арийской) старинны, ее верований, тем не менее, более, чем другие иранские календари, отражает основной источник заимствования ираноязычными народами своих культурных установлений—Междуречье—страну, в глубокой древности научившуюся определять пути движения небесных светил и ими измерять, в практических целях организации производства, отрезки времени. Эти соображения должны руководить исследованием Ахеменидского календаря. По этому же пути, как видно будет из дальнейшего, помимо основного метода иранской филологии—историко-сравнительной грамматики иранских языков, пойдет и наша попытка осветить Ахеменидский календарь—точнее, определить названия месяцев Ахеменидского календаря.

IV

Все данные для суждения о древнеперсидском календаре до открытия эламского архива в Персеполе заключались в Бехистунской надписи. В ней Дарий, повествуя о своих подвигах, датирует события месяцем и днем.

¹ См. А. А. Фрейман, Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане, «Труды Института Востоковедения», XVII, Академия Наук, Москва—Ленинград, 1936, стр. 137—165; он же, Согдийский рукописный документ астрологического содержания, ВДИ, 1938, № 2/3, стр. 34—49.

² См. H. W. Bailey у ZDMG, B. 90, H. 3/4, стр. 575.

Таким образом, в основном, древнеперсидском тексте надписи засвидетельствованы восемь названий месяцев из двенадцати. В эламском переводе надписи сохранилось, кроме того, еще одно название месяца, древнеперсидский подлинник которого не дошел до нас: веками действовавшие атмосферические условия (дождь, ветер) разрушили это место надписи. Эламские названия заимствованы из древнеперсидского языка и представляют собой не больше как транскрипцию их эламской клинописью. Лишь для пяти названий месяцев из девяти сохранились их соответствие в вавилонском переводе надписи. Поскольку вавилонский календарь известен (в частности, известна последовательность месяцев вавилонского календаря), то тем самым могло быть установлено порядковое место пяти древнеперсидских названий месяцев, вавилонские эквиваленты которых указаны в вавилонском переводе Бехистунской надписи. Это стало возможным лишь после публикации в 1907 г. результатов экспедиции Кинга и Томпсона, снявшей эстампажи с Бехистунской надписи¹. От установления порядкового места всех девяти названий месяцев, засвидетельствованных в Бехистунской надписи, в значительной мере зависит интерпретация этого памятника, как исторического документа, остающегося и по нынешний день, после всех успехов археологической науки, главнейшим, основным памятником древнеперсидского языка. Понятно поэтому стремление ученых, их попытки решить задачу последовательности названий месяцев древнеперсидского календаря. На этом пути принимались в соображение данные датированных вавилонских документов, выпущенных в царствование мятежных узураторов, которые упоминались Дарием; путем этимологических изысканий устанавливалось место того или другого месяца в зависимости от времени года, религиозных установлений, празднеств, соотношение с терминологией Авесты и т. д. Труды этих ученых (Роунличсона, Опперта, Унгера, Маркварта, Юсти) привели, однако, к незначительным и отчасти противоречивым результатам². Задача эта, очевидно, и не могла быть разрешена на уровне знаний того времени. Лишь эламский архив Дария из Персеполя—около 30 000 табличек—пр предоставил науке достаточно документированных данных, которые и позволили исследователю установить эламские названия месяцев Ахеменидского календаря и их последовательность, порядок. Этому вопросу посвящена статья Арно Пебеля³. Эти же данные позволили Пебелю выступить в том же журнале с новой попыткой освещения хронологии первого года правления Дария⁴.

В конце указанной нами статьи А. Пебель выражает надежду, что открытие новых названий месяцев и их порядка побудит иранистов дать филологическую трактовку древнеперсидских названий месяцев⁵. Эта вполне обоснованная надежда осуществляется в настоящей статье пишущего эти строки.

¹ L. W. King and R. C. Thompson, *The Sculptures and Inscription of Darius the Great on the Rock of Behistün in Persia*, London, 1907; F. H. Weissbach, *Die Keilschriften der Achämeniden* (=«Vorderasiatische Bibliothek», III), Leipzig, 1911.

² Их сводку можно найти в цитированной уже литературе, а также в статье F. Justi, *Die altpersischen Monate*. ZDMG, LI (1897), стр. 233—251.

³ Arno Poebel, *The Names and the order of the old Persian and Elamite months during the Achaemenian period*, AJSL, LV (1938), стр. 130—141.

⁴ Arno Poebel, *Chronology of Darius' first year of reign*, AJSL, LV, стр. 142—166 и 285—314. См. также A. T. Olmstead, *Darius and his inscription*, там же, стр. 392—416.

⁵ A. Poebel, стр. 140: «The discovery of the new month names as well as the new order of the months will, I hope, be an inducement to iranologists to take up again the philological treatment of the old Persian months names».

V

В табл. 1 представлены древнеперсидские названия пяти месяцев с их эламскими эквивалентами, вавилонские соответствия которых сохранились в Бехистунской надписи.

Таблица 1

Др.-персидский	Эламский	Вавилон- ский
2. <i>θigavāhara</i>	<i>turmār</i>	<i>ayyāru</i>
3. <i>θāig(a)rčiš</i>	<i>sākurrišiš</i>	<i>sīmannu</i>
9. <i>āvriyādiya</i>	<i>haššiyatiyaš</i>	<i>kisilīmu</i>
10. <i>anāmaka</i>	<i>hanamakaš</i>	<i>tebētu</i>
12. <i>viyaxna</i>	<i>mi(ya)kannaš</i>	<i>addāru</i>

Цифры с левой стороны столбцов указывают порядковое место месяцев в календаре, которое устанавливается по их вавилонским соответствиям. Так, *θigavāhara* является вторым месяцем, *θāig(a)rčiš*—третьим и т. д.

В табл. 2 перечислены четыре древнеперсидских названия месяцев с их эламскими эквивалентами и одно название месяца, сохранившееся лишь в эламской передаче. Вавилонские соответствия этих названий в Бехистунской надписи не сохранились, поэтому и порядковое место этих месяцев не могло быть точно установлено.

Таблица 2

Др.-персидский	Эламский
1. <i>garmapada</i>	<i>karmapaddaš</i>
2. <i>adukaniš</i> .	<i>hadukannaš</i>
3. <i>bāgayādiš</i> .	<i>bagiyatiš</i> <i>markazanaš</i>

Открытие эламского архива в Персеполе позволило, как было выше сказано, Пебелю установить все двенадцать эламских названий месяцев и их порядок. Это оказалось возможным сделать благодаря тому, что в ряде табличек перечислялись последовательно несколько названий месяцев одно за другим, а в одной табличке указывались начальный и конечный месяцы одного года. Таким образом установлены по Персеполитанскому архиву следующие эламские названия месяцев в определенной последовательности¹.

Таблица 3

2. <i>hadukannaš</i>	7. <i>bagiyatiš</i>
3. <i>turmār</i>	8. <i>marqašanaš</i>
3. <i>sākurrišiš</i>	9. <i>haššiyati(ya)š</i>
4. <i>karmabadaš</i>	10. <i>hanamakaš</i>
5. <i>turnabasiš</i>	11. <i>samimaš</i>
6. <i>qarbaši(ya)š</i>	12. <i>mi(ya)kannaš</i>

Эламские названия месяцев Персеполитанского архива решают задачу о порядке месте четырех месяцев Ахеменидского календаря, вавилонские соответствия которых не сохранились в Бехистунской надписи. Таким образом устанавливается, бесспорно и окончательно, что (см. табл. 2):

¹ Аналогичная последовательность в отношении дней месяца помогала нам осветить порядок дней месяца в согдийском календаре. См. указанную выше статью: «Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане».

Таблица 4

garmapada — karmapaddaš	есть 4-й месяц
adukaniš — ḥadukannaš	» 1-й месяц
bāgayādiš — bagiyatiš	» 7-й месяц
markazanaš	» 8-й месяц

Благодаря исследованию Пебеля, Ахеменидский календарь в древне-персидской основе, эламской транскрипции и с вавилонскими эквивалентами может быть изображен в следующем виде:

Таблица 5

Древнеперсидский	Эламский	Вавилонский
1. adukaniš	ḥadukannaš	nīsannu
2. ḡuravāhara	tūrmār	ayyāru
3. ḡāig(a)rčiš	sakurrišiš	sīmannu
4. garmapada	karmabadaš	du'ūzu
5.	turnabasiš	ābu
6.	qarbaši(ya)š	ulūlu
7. bāgayādiš	bagiyatiš	tašritu
8.	markazanaš	arah̄samna
9. aḡriyādiya	hašši(ya)tiš	kislīmu
10. anāmaka	hanamakaš	tebētu
11.	samimaš	šabāṭu
12. viaxna	mi(ya)kannaš	addāru

Эламские формы месяцев третьего, четвертого и восьмого представлены в этой таблице дублетами по Бехистунской надписи и Персополитанскому архиву.

На нашу долю выпадает задача определить, согласно предложению Пебеля, древнеперсидские названия месяцев Ахеменидского календаря, не засвидетельствованные в Бехистунской надписи, т. е. пятого, шестого, восьмого и одиннадцатого, а также дать посильные толкования названий этих и других месяцев. Эта задача значительно легче, чем труды наших предшественников, так как в распоряжении последних не было результатов исследований эламского архива в Персеполе, приведенного в основном в названной статье Пебеля.

Эламские названия месяцев представляют собою транскрипцию древнеперсидских средствами эламской клинописи, эламского письма. Поэтому сравнение графем обеих письменностей, древнеперсидской и эламской, сравнение фонетической установки обоих языков является в решении нашей задачи первым, основным критерием. Помимо эламских названий месяцев, приведенных здесь в табл. 5, весьма полезными оказываются дублетные названия, отмеченные Пебелем в этой же статье, из различных табличек. Эти дублеты свидетельствуют прежде всего о затруднениях, которые испытывали эламцы в передаче персидских звуков. В некоторых случаях они помогают нам даже выяснить себе и формальную сторону древнеперсидских названий, облегчая понимание падежных отношений¹. Так, дублеты: samimaš || samimantaš—название одиннадцатого месяца,—могут указывать на такое древнеперсидское слово, которое в именительном падеже имеет три слога, а в косвенных—четыре. Колебание в названии восьмого месяца: markazanaš | markašanaš может свидетельствовать

¹ Совершенно понятно, что здесь могут обсуждаться только те особенности эламской транскрипции, эламского письма, которые имеют прямое отношение к нашей задаче.

о затруднениях, встававших перед эламцами в попытках передать персидский согласный третьего слога в этом слове. Согласным ѿ в окончании эламских месяцев, за исключением второго, *turmag*, хотели, очевидно, передать окончание именительного падежа единственного числа в древнеперсидском языке, хотя в последнем ѿ в этой функции служило лишь в основах на *i* и *u*.

Название месяца, известное по Бехистунской надписи лишь в эламской форме *markazanaš*, а ныне по эламскому архиву в Персеполе также в форме *markašanaš*, занимает, согласно исследованию Пебеля, восьмое порядковое место.

Из предшественников Пебеля, занимавшихся древнеперсидским календарем, лишь первый из них, Rawlinson, указал этому месяцу настоящее, восьмое, место. Oppert и Justi полагали, что *markazanaš* занимал одиннадцатое место, а Unger считал его четвертым месяцем. Никто не высказывал и тени сомнения в том, что это название—иранское,—это казалось совершенно очевидным, а попытки определения порядкового места этого месяца связывались с тем или иным этимологическим его толкованием. Так, Oppert, видя в *markazanaš* персидское «*margazana*», интерпретировал его как «*naissance d'oiseaux*»—«рождение птиц», т. е. месяц, когда птицы рождаются. Однако непонятно, почему при таком толковании этого слова онставил его на одиннадцатое место, соответствующее вавилонскому *šabātu*, нашему январю—февралию. Этот зимний месяц едва ли можно назвать месяцем «рождения птиц», которые, как известно, рождаются весной. Если Oppert видел в предполагаемом древнеперсидском «*margazana», в первой части этого сложного слова, «*marga»—птицу, то Юсти¹ то же самое слово «*marga» понимал как «луг»: *margazana*—«*das Wiesengrass hervorbringend*»—«производящий луговую траву»—значение, точно так же мало подходящее для основной характеристики зимнего месяца, хотя бы в климате Ирана. Обе эти этимологии точно так же плохо объясняли бы четвертое порядковое место в календаре, соответствующее июню—июлю, в которое хотел поместить этот месяц Унгер. Месяц июль—середина лета—не является ни месяцем «рождения птиц», ни «произрастания трав». Как бы то ни было, как было выше сказано, эламский архив в Персеполе сделал споры о порядке месте этого месяца беспредметными, установив для него восьмое место. Эламский месяц *markazanaš*, или *markašanaš*, занимает восьмое место, соответствующее вавилонскому *Arahsamna*, что значит по-вавилонски «восьмой месяц», буквально—«месяц восьмой».

Как мы убедились, попытки осмыслиения этого названия на пути связей с иранским словарем, с иранскими этимологиями не привели к удовлетворительным результатам. Очевидно, что иранский облик этого слова, наводящий на подобные поиски, в действительности призрачен. Подобные попытки не принимали в должной мере во внимание, что перед нами—название месяца в эламской передаче, что поэтому реальное персидское его звучание могло и даже должно было быть несколько иным. Персеполитанские дублеты сохранили нам форму этого слова с ѿ вместо з Бехистунской надписи. Это чередование z//ſ свидетельствует о том, что в персидском прототипе эламского *markazanaš*//*markašanaš* были фонемы, передать которые эламские писцы затруднялись.

В вавилонском эквиваленте этого названия—*arahsamna* («месяц восьмой») отпало, согласно вавилонской исторической фонетике, начальное v: *arahsamna* восходит к *vvarahsamna.

¹ В цитированной выше его статье на стр. 249.

Несомненным фонетическим фактом, подлежащим уточнению в подробностях, является засвидетельствованное для языков этих мест (Междуречья и прилегающих к нему областей), независимо от их систем, чередование *v* || *m*, известное, впрочем, по живым говорам и других мест. Этим чередованием объясняются такого рода переходы, как древнеперсидское *θarmiš*, новоперсидское *sarv*: «кипарис»; вавилонское *kaimānu*, новоперсидское *kaivān*: «сатурн» (название планеты). В курдском языке чередование *m* || *u* обычно: *nivēz* || *nimez*: «молитва»; *havīn*: «лето» || ср. персидское *hamīn*; *nivrōz*—«полдень» // новоперсидское *nēmrōz*; *nam* || *nav*—«имя» и т. п. В порядке такого чередования можно постулировать вавилонское диалектальное *maraħsamna, наряду с *arabaħsamna*, восходящим к *varaħsamna. И, действительно, в еврейском названии восьмого месяца *marhešvan* (еврейский календарь восходит к вавилонскому) мы и находим постулированную вавилонскую форму *maraħsamna, диалектальное соответствие *arabaħsamna*.

Название этого же, восьмого, месяца, по-эламски *markazanaš* или *markašanaš, представляет, как и все другие эламские названия месяцев, передачу древнеперсидского. Попытки определения названия этого месяца по-древнеперсидски на пути этимологических изысканий оказались, как мы старались показать, неудовлетворительными. Близость *markazanaš*//*markašanaš* к *maraħsamna столь велика, что она оправдывает постулат о прямом заимствовании этого названия восьмого месяца из вавилонского языка в древнеперсидский. Зависимость древнеперсидских названий месяцев от вавилонских будет показана нами и в других случаях, где древнеперсидские представляют собою различной степени отражения вавилонских. Вавилонские названия месяцев заимствовались вместе со всей системой календаря не одними только персами, но и другими соседними народами. Эти названия сохранились и по сегодняшний день у турок и у курдов. Одно из этих названий *nysnyūč* отражено в календаре согдийцев, где оно обозначало не первый, а третий месяц. Отражение этого названия в календаре центральноазиатского народа свидетельствует о широком влиянии вавилонского календаря вплоть до Центральной Азии. Эламские *markazanaš*//*markašanaš*, наряду с постулированным вавилонским диалектальным *maraħsamna, позволяют установить приблизительную древнеперсидскую форму этого заимствованного из вавилонского языка названия: оно звучало по-древнеперсидски близко к вавилонскому *maraxsamna или *marxasamna с глухим *s* в противоположность звонкому *z* в эламском *markazanaš*.

Название одиннадцатого месяца, засвидетельствованное по-эламски в персеполитанском архиве, как *samima*||*samimaš* или *samimantaš*, соответствует вавилонскому *šabātu*, зимнему месяцу, нашему январю—февралю. Эламская фонетическая установка не соответствовала персидской. Персидский язык знал звонкие и глухие согласные. Эламский, повидимому, их не различал. Ему, вероятно, было свойственно отличать напряженные и ненапряженные. Поэтому древнеперсидские звонкие выражаются по-эламски часто глухими и, наоборот, глухие—звукими. Это дает основание предположить, что название эламского месяца *samimaš* || *samimantaš* звучало по-персидски со звонким *z* в начале. Конечным ё эламцы передавали, как выше указывалось, формальную принадлежность иминительного, а также косвенных падежей древнеперсидского языка. Выражать эту формальную принадлежность, не во всех случаях представленную в самом древнеперсидском, вероятно, побуждал их агглютинативный строй их собственного языка, требовавший формального выражения падежных отношений одними и теми же морфемами. Дубле-

ты: *samima|samimaš|samimantaš* соответствуют двум падежам древнеперсидского склонения. Из этих форм последняя—*samimantaš* выражает родительный падеж, а первые—*samima|samimaš*—именительный от основы *na*_{mant}; *mant*—суффикс, выражающий понятие обладания, сохранивший я в этой функции и по сегодняшний день в персидском *mand*: например *hunarg-mand* «добрый», «обладающий доблестью», *hunar*. Основы, оканчивавшиеся в древнеперсидском языке на *-ant*, с утерей, согласно древнеперсидской фонетике, в исходе слова варьного, ставшего имплизивным, *t*, должны были в именительном падеже единственного числа оканчиваться на *-ā*. Это реально засвидетельствовано в слове *t^uip^u,uvā* «могущественный, богатый» накш-и-руstemской надписи Дария¹. Таким образом, эlamское *samima* отражает собою древнеперсидское **zamimā*—именительный падеж единственного числа от основы **zamimant*, а *samimantaš*, соответственно, **zamimanta*,—родительный падеж единственного числа от той же основы. Корень этого слова хорошо засвидетельствован в среднеперсидском манихейском *zmy*, *zm*, новоперсидском *zimistān* «зима». Значение древнеперсидского названия **zamimā*—«зимний», вскрываемого нами, как название одиннадцатого месяца, хорошо обоснованное историко-лингвистически, находит подтверждение и в другом, независимом от древнеперсидского, иранском календаре. В согдаиском календаре одиннадцатый месяц носит название *žumtyč*—слово того же корня и значения, что и древнеперсидское *zamimā*—«зимний». Это значение как нельзя лучше подходит для одиннадцатого месяца—января—февраля, который соответствует вавилонскому *šabātu*.

Название древнеперсидского восьмого месяца **mag(a)x(a)sa(m)na*, повзимствованное из вавилонского языка, показало нам конкретно зависимость персидского календаря от вавилонского. Это обстоятельство оправдывает попытки tolkovania древнеперсидских названий месяцев, по крайней мере некоторых, как отражения вавилонских. На этом пути встречаются, однако, затруднения, связанные с недостаточной выясненностью основных значений самих вавилонских месяцев, их этимологий. Это обстоятельство вытекает не только из недостаточной разработанности историко-сравнительной грамматики семитических языков, сколько из основ истории вавилонской культуры. На примере вавилонского календаря можно убедиться, что культура Междуречья древнее ее семитического населения, что творцами ее были шумерийцы. Названия вавилонских месяцев, по всей вероятности, являются семитизированными шумерскими. Поэтому и темны их этимологии.

Наиболее убедительно это положение проверяется на примере четвертого месяца—*du'uzu*, *dūzu*. Более старая, не вавилонизированная форма этого шумерского названия *dumuzi* переводится специалистами², как «верный сын». Это—известное вавилонское божество, популярный герой вавилонских мифов—Таммуз. Авторитетнейший ассириолог Delitzsch ограничивается в своем словаре под этим словом лишь указанием, что *du'uzu*, *dūzu*-Таммуз есть «Name des 4. babyl. assyr. Monats»³. В персидском календаре ему соответствует «gātšapada»—«жаркое место занимающий, жаркий», июнь—июль.

Установив древнеперсидское название восьмого и одиннадцатого месяцев **mag(a)x(a)sa(m)na*, **zamimā*, обратимся к остальным двум, пятому и шестому, не засвидетельствованным в персидской таблице, месяцам.

¹ См. E. Herzfeld, *Altpersische Inschriften*, Berlin, 1938, стр. 7.

² См. W. E. Staples, *Cultic motifs in Hebrew thought*, AJSL, LV (1938), № 1.

³ F. Delitzsch, *Assyrisches Handwörterbuch*, Leipzig, 1894, стр. 208.

В эламском списке они носят названия, соответственно: *turna**bašiš* и *qarbaši(ya)š*; в вавилонском соответственно—*âbu* и *ulûlu*. Месяц *âbu* и есть месяц бога огня. Это пятый месяц, июль—август, летний, жаркий, сухой месяц. Поэтому он и посвящен богу огня, рассеивающему сырье тучи¹. Персидский эквивалент этого названия, сохраненный в эламской передаче по Персеполитанскому архиву,—*turna**bašiš* так же, как и следующий за ним шестой месяц *qarbaši(ya)š*, повидимому, являются сложными словами с одинаковой второй частью: *-bašiš*, *-bašiš*, в которой первый шипящий (*š* в первом и *š* во втором названии) отражает, очевидно, затруднение, испытывавшееся эламскими писцами при передаче персидского звука или комплекса звуков в этом слове. Позволительно думать, что этим комплексом было персидское *-xš-*, а *-bašiš*, *-bašiš* отражало древне-персидское *baxšiš*, авестское *baxš-*«дарить, получать», сохранившееся по нынешний день в персидском *baxšiš*—«дар, подарок».

Таким образом, вторая часть этих двух сложных слов обычного древне-персидского типа, называемого в индо-иранской грамматике *karmadhā-rayā*, имела бы значение «дарящий». Допустимо полагать, что в первой части древнеперсидского названия пятого месяца, июля—августа, вавилонского месяца *âbu*, бога огня, скрывается слово со значением «огня, жары» и что в эламском эквиваленте *turna**bašiš* отражено древнеперсидское слово со значением «дарящий огонь, жару»², в котором вторая часть представляет древнеиранское *baxšiš*, а персидская форма и этимология первой—*turna*—подлежат выяснению. Древнеперсидский междузубной глухой проточный звук *θ* отсутствовал в эламском. Как можно убедиться и по таблице месяцев, он передавался то через альвеолярный свистящий *s* (в названии 3-го месяца *θāig(a)r(a)čis-sakurrisiš*), то через взрывной *t* (в названии 2-го месяца *θuravāhara-turmār*). Это соответствие позволяет допустить в начальном согласном древнеперсидского прототипа эламского названия пятого месяца *turna**bašiš* такой же междузубной проточный *θ*, что и в *θuravāhara*. Эламское *turmār* представляет собою фонетическую передачу древнеперсидского *θuravāhara*, с переходом согласно эламской фонетике *v* в *t*, как в названии последнего месяца *viaxna-mi(ya)kannaš*, и с выпадением *θ*. Название месяца *θuravāhara* переводилось Бартоломе в его словаре (столбец 786) как «могущественная весна». В этом толковании слово *θura* понималось Бартоломе, как «могущественный». Это широко распространенное толкование должно быть, однако, теперь оставлено. Перевод Хертелем этого названия на стр. 23 его книжки³, как «den lichten Frühling bringend», в котором отражаются взгляды этого ученого на индо-иранскую религию, как на религию культа огня, лучше объясняет нам само это название и его отношение к другим персидским и вавилонским названиям месяцев. В первой части эламского названия пятого месяца *turna**bašiš*—*turna*—скрывается то же самое слово, которое представлено в первой части древнеперсидского названия второго месяца *θuravāhara*, лишь с наращением суффикса *-na*. Таким образом, название древнеперсидского пятого месяца устанавливается, как *θura(na)baxšiš*—«дарящий жару»—название, отражающее вавилонское *âbu*, бога огня.

Название следующего за этим шестого месяца *qarbašiš*, августа—сентября, также слово сложное, во второй части которого—древнеперсидское

¹ См. J u s t i, Die altpersischen Monate, ZDMG, LI (1897), стр. 247; «... der Monat des assyrischen Feuergottes..., der die feuchten Wolken vertreibt».

² В климате нижнего течения Евфрата и Тигра в августе поля выжжены жарой, как бы огнем.

³ J. H e r t e l, Die arische Feuerlehre. Leipzig 1925. («Indo-iranische Quellen und Forschungen», H. VI).

baxšiš. Первая его часть qag, соответственно значению этого месяца, как летнего, повидимому, отражает то же слово garma «жара, тепло», которое представлено и в названии четвертого месяца garmapada. Таким образом, эламское qarbaš(ya)š, повидимому, передает древнеперсидское *garmabaxšiš—«дарящий жару, тепло». Нас не должно удивлять то обстоятельство, что пятый и шестой месяцы древнеперсидского календаря носят названия, близкие по значению, определяющие их как жаркие месяцы. Эти названия все-таки лексически дифференциированы. Земледельческая страна с неразвитым производством, какою было Ахеменидское государство, могла бы довольствоваться и меньшим количеством календарных терминов, которые бы фиксировали лишь основные земледельческие и культовые моменты в жизни данного общества. В славянских календарях,польском и украинском, одно и то же название «листопад» употребляется в применении к двум соседним месяцам: октябрю и ноябрю. Это свидетельствует об отсутствии у древних славян потребности в дифференциации по месяцам времени года, когда «падают листья», т. е. осени.

В названии третьего месяца ḫāig(a)r(a)čiš может быть наглядно показана зависимость персидского календаря от вавилонского. Это название толковалось Justi как месяц «собирания чеснока», как производное сложное слово от предполагаемого древнеперсидского *θīgra «чеснок», от которого происходит новоперсидское sīg «чеснок» + γči—«обирать». Однако толкование названия месяца от такого занятия, как собирание чеснока, мало нас убеждает, несмотря на приведенные Justi доводы. Гораздо понятнее становится этимология этого названия, если учесть зависимость персидского, Ахеменидского календаря от вавилонского, при которой одни названия прямо заимствовались, как, например, *mag(a)(x)samana, а другие переводились или представляли то или другое подражание, кальку. Древнеперсидскому ḫāigr(a)čiš соответствует в вавилонском календаре sīmānu (sīvānu). Из определения, приведенного Деличем в его словаре на стр. 491, следует, что sīmānu, третий месяц вавилонского календаря, обозначает определенное время, месяц, луну. По поверьям многих народов, луна скрывает в себе зайца. Эти верования являются источником разнообразных сказаний, существующих объяснить нахождение зайца на луне. Реальное объяснение связи зайца с луной может быть найдено в сходстве растянутой фигуры бегущего зайца с фигурой луны во время новолуния. Поверье о связи луны с зайцем в такой мере распространено, что древние индузы называли луну «обладающей зайцем»—śaśin от слова śaśa—«заяц». Заяц с древнейших времен был предметом охоты. Первобытные племена избегали называть своим именем предметы, которые по их анимистическим представлениям, услышав свое имя, могли бы воздействовать неблагоприятно на человека, произносившего их названия. К таким предметам у охотничьих племен относились во время охоты животные и все то, что касалось охоты. Эти предметы во время охоты назывались по их признаку, качеству. Так, например, из языка охотника исключалось во время охоты такое слово как нож, собака и т. п. Они заменялись их признаком: «режущий», «охотник». В русском языке из языка охотников проникло слово «сохатый», употребляющееся в значении «олень», «лось». Создавались таким образом условия для запрета, полного исчезновения первоначальных названий и замены их эпитетами. Таким образом исчезло у многих народов название зайца и было заменено тем или другим его эпитетом. Само русское слово «заяц» и немецкое «Hase», как показывает история этих слов, значили «прыгун». Персидское слово xargōš «заяц» значит буквально «ослоухий».

Древнеперсидское название третьего месяца ḫāig(a)r(a) čiš может быть объяснено, как производное с подъемом (vrddhi) от основы ḫigrači. Послед-

нее в свою очередь является словом, образованным суффиксом -či от основного *θigra. В этом слове древнеперсидское θ закономерно соответствует древнеиндийскому ś, соответственно древнеперсидское *θigra—древнеиндийскому śighra V-«быстрый». Таким образом, древнеперсидское *θigračiš обозначало приблизительно то же, что русское «быстрый, быстрык»—пример из языка охотников, прекрасно подходящий для эпитета зайца. Итак, *θigračiš—«заяц», а θāigračiš—обычное в древних индоиранских языках образование посредством подъема (vrddhi)—обозначало «относящийся к зайцу», в том же значении, что и древнеиндийское śaśin—«содержащий зайца», т. е. «луна»—название третьего месяца, «месяц как таковой», как в вавилонском языке sīmānu. Таким образом, восьмой месяц древнеперсидского календаря *mar(a)x(a)sa(m)na есть прямое заимствование из вавилонского календаря, а название третьего месяца θāigračiš представляет перевод соответственного вавилонского названия sīmānu.

Мы определили таким образом четыре названия древнеперсидских месяцев, не засвидетельствованные в Бехистунской надписи.

Выяснение основных значений вавилонских названий месяцев на путях уточнения их этимологий, семитических или шумерских, может помочь дальнейшему выяснению значений терминов древнеперсидского календаря.

